

Каин убивает Авеля. Мозаика

*Бяху же нецыи от книжник ту седяще и помышляюще в сердцах своих:
что Сей тако глаголет хулы?*

Мк. 2: 6-7.

Мы, грешные люди, должны быть терпеливы, когда видим, что Сам безгрешный Сын Божий осуждается. Из стран Галилейских Иисус Христос, Божественный Целитель душ и телес, возвратился в Капернаум. В нынешнем Евангелии говорится, что в день Своего прихода Он совершил три великих благодеяния. Первое – Он предложил тамошним жителям проповедь, в которой изложил Свое Божественное учение с такой силой и сладостью, что привлек к Себе почти весь город; тот дом, где Он проповедовал, был изнутри полон и извне окружен густой толпой. *Слышано бысть, –* говорится в Евангелии, *– яко в дому есть. И абие собрашася мнози, якоже ктому не вмещатися ни при дверех; и глаголаше им слово*

(Мк. 2: 1-2). Второе – Он исцелил одним Своим всеильным словом несчастного расслабленного, которого принесли четыре человека:

Востани, возми одр твой и ходи

(Ин. 5: 8). Третье – вместе со здравием телесным Он даровал ему и здравие душевное, Своей Божественной властью разрешил его от грехов:

Чадо, отпущаются ти греси твои

(Мф. 9: 2). И чем же за все это благодарят Его жители Капернаума? Простой народ удивляется, хвалит и славит Бога –

яко дивитися всем и славити Бога, глаголющим: яко николиже тако видехом

(Мк. 2: 12). А книжники, блюстители закона, священный чин синагоги, осуждают Иисуса, как хулителя.

Бяху же нецыи от книжник ту седяще и размышляюще в сердцах своих: что Сей тако глаголет хулы?

(Мк. 2: 6-7). Наоборот, вы, книжники, лицемеры и клеветники, вы говорите хулы! А Христос, вами порицаемый, имеет, как Бог, власть отпускать грехи, ибо Он имеет силу, как Бог, исцелять расслабленного от болезни. Итак, Он говорит хулы, потому что учит? Говорит хулы, потому что прощает, исцеляет? Вот это вас соблазняет? Это ваши сердца отравляет? Это изощряет ваш язык на осуждение? Прошу вас, братья,

рассудите: какая причина побуждает книжников с такой страстью говорить против чудодействующего Владыки? Христос учит, Христос творит чудеса; книжники видят, что собирается бесчисленная толпа внимать поучениям Его; видят они, что весь народ изумлен Его чудесами, что одни веруют в Него, как в великого пророка, другие даже как в истинного Бога, и соблазняются, осуждают и открыто говорят, что Он богохульствует. Что же это такое? Одна зависть. Это зависть, которая борется со всем хорошим, порицает слова и чудеса воплотившегося Бога, как злохуления.

Пользуясь таким поводом, я хочу убедить вас избегать, сколько возможно, этой человеконенавистной и богоненавистной страсти; хочу показать вам, во-первых, что такое зависть, а во-вторых, – к чему она приводит.

I

Зависть есть первоначальное семя всякого зла, первое порождение всякого греха, первая ядовитая скверна, растлившая небо и землю, первый тлетворный пламень, зажегший огонь вечной муки. Первый, согрешивший на небесах гордостью, был денница; первый, согрешивший в раю преслушанием, был Адам; первый, по изгнании согрешивший завистью, был Каин. Но первой причиной всех тех грехов денницы, Адама и Каина была все-таки зависть.

Завистью омрачился первый великий начальник ангелов, началовождь серафимов, «краснейший денница, утром воссиявающий». Когда он впервые увидел неизреченную доброту и славу Трисиятельного Божества, он позавидовал и опечалился; потом дух его превознесся гордостью, и он возомнил себя равным Божеству. *Ты... рекл еси во уме твоём: на небо възыду... буду подобен Вышнему* (Ис. 14: 13-14). По мнению Григория Богослова, зависть омрачила денницу, павшего по гордости; будучи божественным, он не вынес того, что его не почитают за Бога (Григорий Богослов, слово 27). Прекрасный ангел света стал страшным демоном тьмы; променял высочайшую честь на вечную муку и, лишившись светлой, боготканой одежды дарований, в которую Бог его облек, остался наг, сохранив только основные свойства своего существа – твердого, упрямого, неизменного в зле, как говорит Григорий Богослов. Воспламенив в себе сильнее ненависть и вражду к Богу, богоборный отступник не может отстать от этой борьбы. Когда он убедился в своем полном бессилии перед Богом, он направил свое оружие против человека и стал с ним бороться. Как страшный зверь, леопард, настолько ненавидит человека, что, если не может ему самому причинить вред и случайно увидит его изображение, бежит к нему и утоляет свой гнев, так и враг всего доброго, дьявол, бессильный перед Богом, увидев

одушевленный образ Божий, человека, ринулся к нему в образе и с быстротой ядовитого змия. Увидел человека, венчанного славой и честью, в раю сладости, увидел его царем всей видимой твари и, завистливый, был уязвлен ревностью. Стал нашептывать, прельщать, склонять наших праотцев к ослушанию; очень обрадовался, увидав, что они изгнаны из рая, и особенно услышав их осуждение на смерть – *смертию умрете*

(Быт. 2: 17). Он явно оказался богоборцем, враждуя с Богом и совратив человека, ибо перед Богом бессилен. Но когда он увидел, что решение не тот же час приведено в исполнение, что Адам и Ева, приговоренные Богом к смерти, не сразу умерли, он не стал ожидать срока и употребил все усилия, чтобы поскорее внести в жизнь смерть: он напоил ядом зависти сердце Каина и вооружил его руку на убийство брата своего Авеля; так с этого времени земля и начала оскверняться человеческой кровью.

Во второй главе книги Премудрости Соломона говорится: *Бог созда человека в неистление и во образ подобия Своего... завистию же диаволею смерть вниде в мир* (Прем. 2: 24). Святой Златоуст поясняет это следующим образом: «Услышав, что человек возвратится в землю, дьявол жаждал увидеть, что решение приведено в исполнение, захотел даже большее – видеть кончину сына раньше отца, убийство брата братом, смерть безвременную и насильственную. Дьявол слышал, что человек приговорен к смерти и возвращению в землю, и он не мог дожидаться времени, когда совершится этот приговор. Более того. Пусть бы он обождал, чтобы сначала умер отец Адам, а потом и сын. Нет, захотел видеть кончину сына раньше отца. Пусть бы сын умер естественной смертью. Нет – насильственной. Пусть и так, но пусть убьет его кто-либо другой, а не свой родной брат. Нет – именно родной брат. Убийство брата братом!.. Видишь, сколько зла произошло от одного зла? Видишь, что может сделать зависть! Видишь, как дьявол удовольствовал свое ненасытное желание? Видишь, как много помогла ему зависть? Как она удовлетворила неутолимую жажду дьявола? От зависти возгорелась война и отступничество на небесах; смутился блаженный мир и покой ангелов; денница упал в бездну и, как дракон, своим хвостом увлек с собой третью часть мысленных звезд; от зависти загорелся в недрах земли неугасимый огонь вечной муки. От зависти праотцы преступили заповедь, были удалены из рая сладости в

терния и волчцы

(Быт. 3: 18) – Адам, чтобы в поте лица добывать себе пропитание, а Ева – в болезнях рожать детей. Из бессмертных они стали смертными; а с ними вместе и мы, несчастные их потомки, унаследовали от своих прародителей грех и Божии осуждение и проклятие. От зависти брат несправедливо возненавидел брата и бесчеловечно убил его; неповинной кровью осквернилась чистая земля и отверзлась страшная дверь клятвы, через которую вошла в мир смерть. Все это произошло от зависти. Она явилась начальницей богоборства, учительницей преслушания, матерью братоубийства, причиной смерти, в ней – корень всего зла». Зависть есть печаль души, происходящая от благополучия ближнего, как определяет ее, согласно с мнением всех древних моралистов-философов, Василий Великий.

Ядовитая гидра, по описанию поэтов-мифологов, была о семи головах; она из своих семи голов испускала смертоносный яд. Грех также о семи головах: первая голова его – гордость, вторая – сребролюбие, третья – лакомство, четвертая – уныние, обжорство, беззаботность, пятая – блудодеяние, шестая – гнев, седьмая – зависть. И хотя из всех семи голов извергается смертоносный яд, умерщвляющий душу, яд зависти всех губительней. Все прочие смертные грехи имеют целью какую-нибудь собственную выгоду; например, гордый хочет прославиться, сребролюбец ищет богатства, обжора хочет насытиться, беззаботный желает успокоиться, блудник стремится к сладострастию, яростный хочет отомстить. Но зависть ищет не добра для себя, а зла для ближнего. Завистливый хотел бы видеть славного бесчестным, богатого – убогим, счастливого – несчастным. Вот цель зависти – видеть, как завидуемый из счастья впадает в бедствие. С другой стороны, все другие смертные грехи доставляют какое-нибудь наслаждение, какую-нибудь радость тому, кто их творит; например, гордый радуется своей славе, сребролюбец – своему богатству, лакомка радуется при виде вкусных кушаний, ленивый рад праздности, блудник увлекается похотливостью, злобный удовлетворяется мщением врагу. А зависть не только не приносит тому, кого она обуяла, никакого наслаждения, никакой радости, а наоборот – печаль, и печаль неодолимую. Так, зависть есть печаль из-за благополучия ближнего. Из-за того, что Иаков получает благословение от отца своего Исаака и право старшинства, Исав начинает печалиться и ищет случая умертвить Иакова. Из-за того, что Лия, жена Иакова, была многоплодна, печалится другая, бездетная Рахиль, ссорится с мужем своим и от печали хочет умереть – *даждь ми чада; аще же ни, умру аз* (Быт. 30: 1). Из-за того, что Иосиф, провидя славу свою, predeterminedенную ему от Бога в Египте, толкует братьям своим таинственные сны, братья его начинают печалиться: сперва они хотят его убить, потом отменяют свое решение и ввергают его в ров; а оттуда извлеки его, продают, чтобы удалить его от своих глаз. Из-за того, что Давид убил Голиафа, победил иноплеменников и возвысил славу израильтян, неблагодарный и завистливый царь Саул начинает тужить и всячески хочет лишить его жизни: то неоднократно бросая в него копье, то, гоняясь за ним и преследуя его.

И, наверное, он убил бы его и потешил бешенство своей зависти, если бы чудесно не сохранил тогда Давида Божий покров.

Из-за того, что Богочеловек Иисус проповедует истину, исцеляет больных, прощает грешных, огорчаются христоненавистники, иудейские книжники, и порицают Его, как хулителя: *Что Сей тако глаголет хулы?* (Мк. 2: 7) В один субботний день увидел Иисус идущую к Нему женщину, которая жестоко мучилась от недужного духа восемнадцать лет, так что, скорчившись от тяжелой болезни, не могла уже поднять головы и с трудом держала душу в устах. Увидев ее, Иисус сжалился над ней и исцелил ее:

Жено, отпущена еси от недуга твоего

(Лк. 13: 12). И так как весь народ возрадовался с благодарным чувством чудесам Христовым –

радовахуся о всех славных бывающих от Него

(Лк. 13: 17), архисинагог начал негодовать, гневаться, запрещать, начал сеять смуту в народе, чтобы уничтожить его благоговение и веру в Спасителя:

шесть дний есть, в няже достоин делати; в тыя убо приходяще целитесь, а не в день субботный

(Лк. 13: 14). Да разве для дня субботного была какая-нибудь заповедь, чтобы не быть в этот день чудесам? Разве в этот день возбранял закон лечиться больным? Нет.

Архисинагог говорит не из ревности к закону, а из зависти к Христу. Он порицает силу, действие чуда, так как завидует славе Чудотворца. Сатана перешел из женщины в душу архисинагога. Феофилакт говорит: «Сатана, сначала связывающий женщину, потом связывает архисинагога завистью и его устами порицает Божественное чудо».

Разве счастье Иосифа не было общим благополучием для его братьев, как это и доказало время? Слава, достигнутая Давидом, не была ли и славой Саула, царство которого он утверждал, побеждая его врагов? Чудеса Иисуса Христа не были ли благодеянием для всех иудеев? Конечно. Но завистливый не обращает внимания на свое благо: «зависть не умеет предпочитать полезное», а умеет видеть добро ближнего и завистливо печалиться; «зависть есть печаль о благополучии ближнего»; она старается благополучие ближнего обратить в злополучие и в этом находить утешение своей печали. Цель зависти – видеть, как завидуемый из счастья впадает в бедствие.

Горел в пламени неугасаемого огня немилосердный и человеконенавистный богач, о котором повествует евангелист Лука. И когда он, возведя очи к небесам, увидел в лоне Авраамовом убогого Лазаря, он возопил жалким голосом: *Отче Аврааме, помилуй мя и послы Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой* (Лк. 16: 24). Братья, эта просьба богача кажется мне странной. Неужели тому, кто горел в такой пламенной печи, был извне окружен и дышал пламенем, кто всецело и телом, и душой был пламя, неужели такому человеку, каким был он, не ясно было, что омоченный в воде перст Лазаря не в силах принести ему какую-либо пользу? Все воды источников, рек и морей были бы недостаточны, чтобы сколько-нибудь прохладить его. В таком сильном пламени – и просит так мало воды! Очевидно, что он желает чего-то другого, и это объясняет святой Златоуст. «Видит богач когда-то убогого, нищего Лазаря в состоянии великого блаженства и славы; он видел его прежде нагим и покрытым ранами, а теперь видит облеченным в боготканое украшение божественного света, в наслаждении вечной жизни. Когда-то алкавшего и желавшего насытиться от крох, падавших со стола богача, теперь видит насыщенным блаженной славой – все это видит богач и говорит от зависти более, чем от всего геенского пламени». И вот почему он требует, чтобы пришел Лазарь к нему, хотя бы на время, чтобы и Лазарь

пришел разделить с ним муки, чтобы он удалился от лона Авраамова. И если бы удалось ему это, он, вероятно, почувствовал бы некоторую отраду. Чтобы удостовериться в этом, обратите внимание на следующее: когда богач услышал от Авраама, что Лазарю идти в ад к нему нельзя, ибо между ними установлена великая пропасть, он стал говорить:

молю тя убо, отче, да послуши его в дом отца моего

(Лк. 16: 27). Этими словами он как бы говорил: если нельзя прислать его сюда, чтобы он стал участником моих мучений, то пошли его хотя бы в мой дом, т. е. в мир, в прежнюю жизнь, в прежние несчастья, только удали его от блаженства в твоём лоне. Да, повторяю, завистью он распаляется более, нежели геенной. Казалось бы, богачу следовало скорее проситься самому на лono Авраамова, а не Лазаря привлекать на муку. Но завистливый не ищет своего блага, не стремится к блаженству из состояния мучения. «Зависть не умеет предпочитать полезное». Она ищет другому зла, чтобы видеть ближнего в муке. «Цель зависти – видеть, как завидуемый из счастья впадает в несчастье». Богач хочет видеть Лазаря в аду сильнее, чем себя в раю. Почему? Потому что «зависть есть печаль о благополучии ближнего». Богословы доказывают, что наибольшая мука для содержащихся в аду будет сознавать, что на веки ими все это по своей вине утрачено, а святые вечно наслаждаются, отсюда произойдет плач и скрежет зубов, здесь-то они и найдут для себя величайшую муку из всех мук.

Вот какова страсть завистника, страсть, которая из всех прочих грехов наиболее печальна и безотраднa, потому что она одновременно и вина, и наказание для того, кто ее имеет. Поэтому справедливо говорит богослов: «Зависть из всех страстей наиболее несправедлива и вместе справедлива. Несправедлива потому, что преследует всех хороших, и справедлива потому, что распаляет имеющих ее. Не так сильно ржа точит железо, на котором она находится, ехидна, когда рождается, так сильно не терзает когтями чрева матери, как сердце завистливого поедается завистью, как мучится и терзается его душа в этой жизни и в будущей». Поэтому я утверждаю, что не нужно желать для завистника ни исправления в сей жизни, ни кары в будущей. Сама зависть для него является достаточным наказанием: здесь он мучится, видя достоинство и счастье ближнего; там он страдает, взирая на блаженство праведных, как богач на славу Лазаря в лоне Авраамова. Доселе эта страсть справедлива, ибо мучит тех, кем обладает. Но когда зависть начинает вредить ближнему, она причиняет людям великие бедствия. Примеров этому много. Остановлю ваше внимание, слушатели, на одном. В славном городе Афинах жил некий философ по имени Леонтий; рода он был знатного, веры языческой, наукой занимался астрологической и жизни был честнейшей. При своей смерти он все свое имение отказал сыну, а имевшуюся у него дочь оставил без всего. И когда его спросили, почему он так, как бы презрительно, отнесся к слабому существу и не оставил ей ничего в приданое, Леонтий на это ответил: «Довольно будет для нее своего счастья». Быть может, он так ответил, основываясь, как язычник и астролог, на странных современных ему воззрениях на звезду, под которой родилась его дочь. Но ее будущее счастье, как увидите, было следствием ее тщательного воспитания, добродетелей, выдающихся дарований – она действительно достигла блестящего

положения, когда тому представились удобные обстоятельства. Но, однако же Афинаида, так называлась дочь философа, не удовольствовалась завещанием отца и после его смерти начала судиться с братом, желая лишиться завещание силы и взять себе надлежащую часть родительского имения. Выехав из Афин, она отправилась в Константинополь, чтобы там искать правосудия у царя. Царем был тогда Феодосий Младший. Когда Афинаида представлялась царю, ее увидела сестра царская, славная Пульхерия; она заметила ее прекрасное лицо, чудесный взгляд, разумность в речах; во всем чувствовалось, что это была дочь философа и притом сама философ. Пульхерия ее возлюбила, милостиво приняла и обратила ее в христианство, дав ей вместо языческого имени Афинаида христианское имя Евдокия. Обратив Евдокию в христианство, она выдала ее замуж за своего брата царя Феодосия Младшего. Так исполнились внешне неосновательные слова ее отца: «довольно будет для нее своего счастья». Из простой афинской язычницы она стала христианкой и царицей Константинополя. Она лишилась родительского наследства, а Бог ей дал скипетр и корону.

Не трепещет ли сердце ваше, братья, слыша о таком счастье этой девицы? Но приготовьтесь к слезам, чтобы оплакивать ее великое несчастье. О зависть, зависть, как ты горька и как много несчастий ты приносишь людям!

Позавидовали Евдокии, оклеветали ее несправедно перед царем и ее мужем, будто она имеет к нему малую верность и почтение и испытывает тайную любовь к Павлиниану, который был очень ученый и чудесный человек и с которым она действительно часто беседовала, любя сама науки. Хотя царь этому и не поверил, но возымел сомнение и, ничего не горя Евдокии, искал случая удостовериться. Но послушайте, какая произошла случайность, и случайность печальная. Однажды принесли царю яблоко, которое было необычайной величины; царь отослал его Евдокии. А она, не подозревая против себя никаких клевет, послала это яблоко Павлиниану, который был в то время болен. Царь, придя навестить больного Павлиниана, увидел у него свое яблоко, изменился в лице, возмутился сердцем и вышел от него печален и гневен, а когда пришел к царице, прежде всего спросил, где то яблоко, которое он ей прислал. Она, по действию дьявола, радующегося о зле, или по попущению Божию, не объявила ему истину, а сказала, что она то яблоко съела и утвердила свое слово, поклявшись даже царским здоровьем. Этого было достаточно; царь поверил клятве и тотчас велел отсечь голову лежащему в постели Павлиниану, который не только был совсем не повинен, но даже ничего и не подозревал. С Евдокией царь развелся и отправил ее в ссылку в Иерусалим. И вот дворец, где раньше царили радость и мир, был возмущен печалью и тревогой. Из этого примера вы видите, сколько зла могла наделать зависть, смешанная с клеветой. Из зависти был убит неповинный Павлиниан, разлучена царица с мужем; поругана добродетель верной жены, нарушена радость многих. И никто от этого не получил никакого для себя удовольствия. Может ли после этого завистливый, доставляющий только злобную

радость бесам, может ли и имеет ли право называться христианином?

II

Однажды спросили некоего мудреца, какие глаза видят лучше: черные или серые, мужские или женские, человеческие или скотские? И он отвечал: лучше всего видят глаза завистливых людей. Они видят все: и вблизи самое малое, и то, что находится вдалеке; одного только не видят – доброго, а если и видят, наполняются слезами и стараются не видеть, как бы сами невольно закрываясь. Прячься сколько хочешь, запирайся, удаляйся, безмолвствуй в своем жилище, убегай в уединение, в пустыню – глаза завистливого достигнут тебя и там и увидят, что ты делаешь. Завистливый имеет как бы некие зрительные трубки, через которые он видит очень далеко. Где можно найти такого человека, даже самого добродетельного и святого, который не имел бы какого-нибудь порока? Один только Бог без греха и чист от скверны. «Порицатель касается не только многих, но и лучших, ибо только один Бог совершенно невинен и недоступен страстям», – говорит богослов. Но глаза завистливого видят в людях малейшие пороки, даже такие, которых в них никогда и не было.

В заключение вспомним поучение апостола Павла: *не бываем тщеславны, друг друга раздражающе, друг другу завидяще*

(Гал. 5: 27). Не будем тщеславны; будем знать каждый только свое; не будем осуждать один другого, не будем ревновать один другого. Если вы поедаете один другого, то берегитесь, как бы вам всем не погибнуть, – *аще же друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете*

(Гал. 5: 15). Это пророчество, исполнившееся на нас
(Проповедник говорит о своем отечестве – Греции.)

. Вы знаете, как погибло величие нашего народа и слава царства, обратитесь к его истории. Ни силы персов, ни меч агарянский не могли бы нанести зла этому царству, если бы не было взаимной зависти у граждан. Когда в семье, в обществе, в городе или в государстве внедряется зависть и люди друг другу начинают злобно досаждать, тогда не нужно никаких внешних врагов для нанесения поражения. «Когда мы начинаем завистничать и вооружаться друг против друга, тогда не нужно, – говорит Златоуст, – и диавола для нашей гибели».

Ради Бога, в Которого мы веруем и Который есть Бог мира и Отец щедрот, ради Евангелия, которое есть завет любви, ради Церкви, которая должна быть местом

согласия и единения, мы не должны допускать в себе ни малейшего проявления зависти! Не дадим повода радоваться врагам. Филистимляне победили израильтян, в тот же день умер и Саул с детьми. Израильтяне не терпели никогда большего урона. Услышал об этом несчастье своего народа Давид и, обратившись к своей свите, сказал: *не возвещайте в Гефе, ниже поведайте на исходищих Аскалоних* (2 Цар. 1: 20), чтобы враги не услышали о нашем бедствии и не возрадовались. Да не возвеселятся дочери иноплеменники (Там же). Братья и собратья христиане! Несчастья, страдания, вины и грехи других не будем обнаруживать для осуждения, друг друга раздражающе, друг другу завидяще, дабы не радовались иноплеменники, наши видимые и невидимые враги. Молчание, сострадание, дружелюбное чувство! Но зависть порицающая, зависть раздражающая, зависть, ближнего осуждающая, – она должна быть изгнана из среды христиан! Кто имеет такую страсть, тот недостоин даже именоваться человеком, а уж тем более не может называться христианином.

^[1] Калабрия - низменный полуостров в Южной Италии.

^[2] Иоанном Кантакузеном.

^[3] В Азию.

[Святитель Илия \(Минятий\)](#)